

Столбик термометра опустился на два градуса ниже нулевой отметки. Порывисто-холодный норд-ост раскачивал прибрежную часть моря и со злостью бросал на одетую в гранит набережную. Многоотные волны, разбивались на миллионы крупных и мелких капель, брызг, которые, как бриллианты, шурша и расплескиваясь, падали на пешеходную дорожку, заставляя прохожих тесниться ближе к строениям, куда не доставала волна. Шквал ветра, как дикий зверь, угодивший в засаду, застревал в деревьях, пытаясь переломать гибкие, прочные кипарисы и кедрочки, но только сбрасывая на землю старые шишки и жухлую хвою, добавляя дворникам хлопот по их уборке. Шторм принес с собой тяжелые облака, начиненные мокрым, тяглым, как свинец, снегом, которые разбрасывал на вечнозеленую растительность и здесь же сметал новым порывом ветра, превращая на земле в ледяной пандирь. В такую погоду выходить из дому не хотелось, но заставляла идти служба. Я вышел на улицу вместе с мачехой, помог ей подняться по небольшой лестнице, покрытой гололедом. От института виноделия "Магарач" в нашу сторону направился человек. Одет он был явно не по сезону: в тенниску с открытым воротом, темные брюки и туфли — вот и весь его нехитрый гардероб. При, скажем мягко по-одесски, легком прикиде, он еще был и без головного убора. Человек поравнялся со мной лицом к лицу, но не узнал по причине близорукости и, по всей вероятности, задумчивости. В последнюю минуту он спохватился, мило улыбнулся, сощурив близорукие глаза, и сказал:

— Здравствуй, не забудь: встречаемся сегодня в три, в бильярдной.

— Хорошо. Не "жарко" тебе? — пошутил я.

Он добродушно махнул рукой, и энергично зашагал к кинотеатру "Спартак" и далее по руслу речушки Учан Су в сторону моря. Моя мачеха любопытствовала:

— Кто это?

— Знакомый писатель.

— А у меня такое впечатление, что он сбежал из "желтого дома".

Если в "желтом доме" содержат таких гениальных людей, значит, все нормальные там, возвратил я. Тамара Федоровна, недоумевая, пожала плечами, поехала от холода, глядя на удаляющегося моего знакомого, застегнула на все пуговицы свою теплую куртку, надвинула меховую шапку и направилась на троллейбусную остановку. Странно одетый человек дошел вдоль русла реки до гостиницы "Ореанда" и повернул налево вдоль набережной, где бушевал шквал. Редкие прохожие в теплых одеждах, глядя на чужака, вздрагивали от холода и спешили перейти на те улицы, которые были защищены от моря домами и растительностью. Он шел, не обращая внимания ни на шквал, ни на удивленных прохожих. Ему хотелось быть выше этих понятий, жить вне условностей, придуманных человечеством, не доставляя последнему никаких неудобств. Такую процедуру он проделывал ежедневно, вызывая двойные чувства: недоумение, простое человеческое любопытство — у местного населения и немногочисленных в это время курортников.

Рассказывали мне, что однажды на съезде писателей Украины он появился в трикотажном синем с белой полосой спортивном костюме. Присутствовавший на съезде первый секретарь ЦК Владимир Щербицкий удивленно спросил у своих клерков:

— Кто это?

Клерки растерянно смотрели на "хозяина", не зная, что ответить своему боссу, каким образом появился в зале человек, пренебрегающий правилами этикета, недостойный высокого звания советского писателя. Нашелся секретарь Союза писателей, он сказал, как само собой разумеющееся:

— Та же ж Мыкола Лукаш.

Щербицкий что-то слышал об этом талантливом, с чужинкой человеку и, улыбнувшись, сказал:

— Ну, что же, ему можно, он сам талант.

Но, к сожалению, такие безвинные шутки не всегда проходили безнаказанно, потому что воспринимались как вызов обществу, и если они не нравились "хозяину", то жестоко подавлялись опричниками рангом пониже. Возьмись кто-нибудь из друзей писателя написать о нем книгу, она была бы трагической. К сожалению, таких становится все меньше, и эта тема сегодня — уже сама по себе историческая.

Представьте, сколько бед легло на голову этого талантливого человека. Детство — раскулачивание семьи, потеря родителей, беспризорщина, болезни, в том числе и туберкулез; война, ранения, исключение из университета и Союза писателей, непонимание коллег, постоянное безденежье, нужда — вот далеко не полный перечень бед.

Эх, Родина моя, зачем бесчинствуешь напрасно? За рубль готова светлый ум убить, Заставить плакать понапрасну И глупость дикую в науку возводить.

Я подумал; родись этот человек в другой стране, никто даже не

был бы вниманья на такие безобидные причуды гения. Скорее всего, создали бы условия для работы, вознаградили по достоинству материально. Как жаль, что подобное может произойти только в другой стране.

События, о которых я пытаюсь рассказать, происходили в 65 году прошлого столетия, относительно благополучно складывавшемся и для моего героя, и для многих моих сограждан. К этому времени Лукаш перевел "Декамерон" Джованни Боккаччо, "Дон Кихот" Сервантеса, "Фауст" Гете, "Первый удар" Стиля, "Мадам Бовари" Флобера, ряд произведений Виктора Гюго, Генриха Гейне, Роберта Бернса, Джанни Родари, Фридриха Шиллера, Лопе де Вега... Я назвал самых значительных писателей мира, этот список можно было бы продолжить до бесконечности. По большому счету, чтобы сегодня перевести столько произведений, понадобился бы целый институт. В те годы выходило много переводов иностранной литературы на украинский язык, но, к сожалению, большинство из них были сделаны с подстрочника или с русского перевода. Лукаш работал только на языке оригинала. К тому времени изучил около двадцати пяти языков различных групп. Незадолго до нашего знакомства побывал в Индии, где прожил более полугода и выучил два языка хинди. После разговора с Лукашем посол Индии сказал:

— Если бы я не видел лица этого человека, я ни грамма не сомневался бы, что со мной говорит индеец.

Это был один из лучших в то время знатоков мировой литературы. Я уверен: пройдет немного времени и целый институт литературы будет изучать, анализировать, делать научные разработки того, что, как трактор, наворочал Николай Алексеевич Лукаш. Для него не существовало ничего: ни семьи, ни дома — только литература и языки. Сказать, что это было его любимым занятием, значит, не сказать ничего. Он был одержим стра-

стью, выходя за пределы которой становился маленьким и незащищенным человеком. У него даже не было дурных привычек: курить или пить, волочиться за юбками. За всю жизнь он был дважды влюблен, и то неудачно. Первый раз в 1937 году получил отказ от своей сокурсницы. А в 1964 году, когда уже собрался обзавестись семьей, его друг Борис Х. (я не называю его фамилию по этическим соображениям), коллега по перу, увел невесту. Лукаш очень больно переживал разрыв с любимой. Признаться, и мы все, сотрудники Дома творчества писателей, тоже были наслышаны об этой трагедии, но, к сожалению, помочь ничем не могли. Этого господина Х. мне приходилось видеть. Вот уж поистине: "Любовь зла, полюбишь и козла". Женская душа — потемки. По всей вероятности, женщин пугало то, что большая часть времени и любви достанется не им, а литературе. Надо признать, что и характер гения непрост, надо быть декабристкой, чтобы посвятить ему всю жизнь, а он — своей необузданной страсти. А впрочем, живи Лукаш сегодня, при его прямолинейном характере и неумении выкручиваться — помер бы с голоду. Потому что ни в коем случае не согласился бы делать технические переводы инструкций, как пользоваться презервативами, тампонами или

дочь, то ли внучку старухи; книги, по всей вероятности, она имела в виду на английском языке. Увидев спускающегося со второго этажа Лукаша, старуха спешно прерывала разговор и обратилась к Лукашу на английском, при этом ее глаза светились от удовольствия, что в доме есть человек, который досконально понимает то, что говорит она на своем языке, может быть, с диалектом. Беседа продолжалась недолго, не более десяти минут, корректно, и довольная старуха отпустила известного переводчика, зарядившись от него на весь день хорошим настроением. Мы прошли в другой корпус, где находился бильярд. К нашему огорчению, стол был занят.

Пошли, прогуляемся, подышим свежим воздухом, может быть, скоро освободится стол, — предложил Лукаш. Мы вышли в парк. Мыкола, напевал модную, только недавно появившуюся песенку:

Стан твій ніжний, смерековий,
Ти веснянка моя чарівна.

В те годы я еще не бывал в Закарпатье и не знал, что такое смерека. Спрашиваю у Лукаша:

— А какой это — смерековий?

Впереди нас идет изящная, с тонкой талией девушка, диктор столичного радио Джованна.

— Вот точно такой, как у Джованни. Смерека — это высокая, без сучков, сосна, которая растет в Карпатах.

Я к этому могу теперь добавить: которая сегодня хищнически вырубаются на берегах рек, что вызывает наводнения. Может быть, пройдет немного времени и подобный вопрос будет звучать риторически. Ах, как жаль...

Мы поравнялись с Джованной, поздоровались, и Мыкола свободно перешел на итальянский.

О чем шла беседа, я мог только догадываться, мне было просто приятно слушать иностранную речь, которую я воспринимал, как музыку. Мне было достаточно того, что мой гениальный спутник в совершенстве

владеет этим языком, даже не прибегая ни к жестам, ни к мимике, что любят делать сами итальянцы или те, кто недостаточно хорошо знает язык.

Я рассказал об иностранных языках, о которых я могу судить интуитивно или пользуясь авторитетом знатоков. Мой рассказ был бы никаким, если бы я не рассказал о том, как Лукаш владел родной речью, которую, я могу сказать без преувеличения, знаю несколько лучше, чем наш Премьер и его первый заместитель Николай Азаров. Во всем Доме творчества Лукаш был единственным человеком, который говорил на родном языке, в редких случаях делая исключение, если ему попадался собеседник — неисправимый "москаль". Тогда чистейшая и грамотная русская речь из его уст выглядела смешно и непривычно.

Должен отметить, что даже самые авторитетные русские писатели того времени считали за счастье получить консультации этого большого знатока мировой литературы. Я не буду их перечислять, это почти все постоянцы Дома творчества писателей того времени.

Лукаш не просто составлял украинские предложения с особым литературным смыслом, он одевал слова в вычурные, яркие украинские одежды, похожие на платья, вышиванки, плахты. Создавалось впечатление, что он усиливает не только смысловую, звуковую гамму понятий, но и цветовую, что сделать в писательском творчестве крайне сложно. А он делал это мастерски, виртуозно, как Паганини на скрипке музыки, потому что в совершенстве владел этим непростым писательским инструментом.

На этой оптимистической ноте можно было бы закончить мой рассказ, но мне хочется рассказать читателю о небольших слабостях Лукаша, которые мог знать только человек, общавшийся с гением в быту.

Итак, цель моей встречи в этот день была проста: поиграть в бильярд. Но и в данном случае Мыкола играл по-своему, одной рукой, не подставляя для упора левую. Поговаривали, что это результат травмы, превратившийся позже в привычку. А может быть, просто его кураж. Я знаю, что он дважды был ранен в одну и ту же ногу. А вот что произошло с левой рукой, достоверно до сих пор не знаю. Подобная манера, при всех своих недостатках, давала некоторые преимущества и позволяла достать для удара почти любой шар на столе. Моралист скажет: нашел, чем удивить читателя, игрой — такое примитивное занятие. Должен ему возразить: и в данном случае Лукаш играл творчески, с небольшой демонстрацией; каждый из нас делал по одному ходу, и Лукаш говорил какие у кого камни на руках. Как он этого добивался, мне неизвестно. Но если бы Кио рассказывал обо всех своих фокусах, интерес к ним пропал бы.

Да Бог с ними, с фокусами, пусть не пропадет у нас интерес к величайшему литературному наследию Николая Алексеевича Лукаша. Только в таком случае украинский язык займет достойное место в мировой культуре и литературе, тогда никого не придется обзывать говорить на нем. Какой бы ярлык ни приклеивали ему, обязательного государственного, литературного или бытового, научитесь владеть им, как Лукаш — и никакой другой вам не понадобится, без всяких обязательств. Как резюмирует, я должен заметить: к сожалению, это не каждому дано, и не стоит зря надрываться. Богу — Богово, Кесарю — Кесарево. Не стоит из такого мирного инструмента человеческого общения делать дубину или возводить его в ранг спекулятивной официальной политики.

Евгений НИКОЛАЕНКО.

"ЛУКАШЕВСКОЕ СЧАСТЬЕ"